

КОММЕНТАРИЙ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ «ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ»

Я счастлива, что «Психоаналитическая психотерапия» была переведена на русский язык. Поначалу у меня вызвало удивление, а затем неизменную радость то, что мои работы по клинической концептуализации и практике с энтузиазмом принимаются в России и русскоязычных странах. В Москве и Санкт-Петербурге я познакомилась с исключительно мыслящими коллегами и насладилась гостеприимством отличных терапевтов и знатоков своего дела. Я многому научилась у людей, приглашавших меня преподавать и консультировать, в особенности тому, что касалось определенной преемственности между западными психоаналитическими традициями и работой великих русских ученых, таких как Лурия и Выготский. Я чрезвычайно благодарна своему переводчику, с которым познакомилась во время последнего визита в Москву.

В этой книге я попыталась выделить наиболее существенные элементы психоаналитических подходов к психотерапии. В большей степени они заключаются в определенной установке, нежели в конкретных техниках, хотя можно выделить и несколько психоаналитических технических подходов (эго-психологический психоанализ; лечение, ориентированное на объектные отношения; терапии психологии Самости; интерперсональный анализ; анализ отношений; поддерживающие психоаналитические виды лечения; фокусированная на переносе терапия Кернберга; терапия Фонаги, основанная на ментализации; диалоговая модель Мирса; форсированная экспериментальная психодинамическая терапия Фоша, а также ряд других, включая множество эмпирически проверенных краткосрочных моделей).

В настоящее время стало привычным, особенно для частных и общественных организаций, финансирующих лечение в области психического здоровья, делать упор на специфические технические интервенции для специфических проблем. Однако такие интервенции могут быть бесполезны при отсутствии настоящих терапевтических отношений. Когда человек, испытывающий психологические затруднения, воспринимает профессионала как того, кто слушает с вниманием и уважением, желает понять опыт данной личности одновременно эмоционально и интеллектуально и искренне заинтересован в том, чтобы оказать помощь, способность пациента к психологическим изменениям и росту высвобождается гораздо эффективнее, нежели посредством использования терапевтом каких-либо конкретных техник.

Таким образом, как признал бы любой способный к эмпатии человек, эмпирические свидетельства по-прежнему подтверждают большую важность терапевтических отношений по сравнению с ценностью специфических интервенций. И все же во время написания этой книги я обнаружила, что непросто найти подходящие слова для определения качества надежных терапевтических отношений. Я задаюсь вопросом о том, насколько точно можно перевести мои мысли, которые было трудно выразить даже на родном языке, на другой язык. Как бы то ни было, мой опыт в России свидетельствует о том, что «языковой барьер» вовсе не является препятствием. Я бы предположила следующее: хорошие терапевты интуитивно знают, как помочь клиентам в том, в чем они нуждаются, и они, как правило, ценят работы коллег, пытающихся описать этот процесс с помощью печатного слова.

Надеюсь, что эта книга окажется полезной для моих русских коллег в их стремлении облегчить психологическое страдание своих пациентов. Для меня является честью то, что издатели сочли ее достаточно ценной для перевода на русский язык.

Нэнси МакВильямс